

ПУГАЧЕВЦЫ И ПУГАЧЕВЪ ВЪ ТРЕСВЯТСКОМЪ-ЕЛАБУГѢ

ВЪ 1773 — 1774 ГГ.

ОЧЕРКЪ. СОСТАВЛ. ВЪ 1845 Г. СВЯЩЕН. П. Н. КУДЫГИНСКИМЪ.

I.

Есть пословица при видѣ безпорядка: „какъ Мамай воевалъ“, — но здѣсь, въ Вятской губ., вмѣсто Мамай, чаще говорятъ Пугачъ потому что первая эпоха, и по времени и по театру дѣйствій, слишкомъ отъ насъ отдаленна, а второй остались еще (въ 1845 г.) живые свидѣтели, хотя и не многіе. Умершіе дѣды и отцы врѣзали ее въ памяти внуковъ и дѣтей. Даже, если вы встрѣтите здѣсь старика и спросите, сколько ему лѣтъ—вамъ навѣрное отвѣтятъ: „я въ Пугачевчину былъ столькохъ то лѣтъ, или родился послѣ Пугачевщины спустя столько-то“. Слѣдовательно, чтобъ опредѣлить ему лѣта, надо знать, въ которомъ году былъ здѣсь Пугачевъ.

Послѣ этого, странно, что въ описаніяхъ Пугачевского бунта поименованы крѣпости, города и села, раззоренные этимъ самозванцемъ, даже перечислены жертвы его неистовства, но о Елабугѣ не сказано ни слова, хотя жители ея довольно страдали отъ мятежниковъ и видѣли самого ихъ предводителя въ стѣнахъ своихъ.

Впрочемъ, такое забвеніе о Елабугѣ не безъ причины: здѣсь не было рѣзни, какъ въ другихъ мѣстахъ, здѣсь угодно было Господу явить чудо.—Вотъ какъ объ этомъ разсказываютъ, не только здѣшніе жители, но и окрестныхъ селеній, а ихъ разсказы можно почестъ вѣроятными, потому что событіе близко къ нашимъ временамъ.

Во время Пугачева Елабуга еще не была городомъ, и называлась селомъ Тресвятскимъ, которое принадлежало Казанской губерніи.

Въ немъ было три церкви: Спасская, Покровская и Николаевская ¹⁾.

Пугачевъ, явившись на Ликъ и значительно усилившись, угрожалъ Оренбургу. Тогда же, какъ пишетъ А. С. Пушкинъ, губернии: Казанская, Нижегородская и Астраханская были наполнены шайками мятежниковъ. Правительство встревожилось и, письменными увѣщаніями, чрезъ духовенство и чиновниковъ, старалось успокоить народъ и потушить возгоравшееся пламя бунта.

Ноябрь мѣсяць 1773 года есть начало страданій жителей с. Тресвятскаго. Изъ Оренбургской губерніи, изъ-за Камы, явились сюда первые вѣстники бунта. Ихъ было не болѣе ста человекъ. Какъ важные чиновники, они, подѣхавши съ луговой стороны къ селу, стали отъ него въ отдаленіи и потребовали къ себѣ жителей для переговоровъ. Тѣ не прекословили и выслали своихъ довѣренныхъ. Лишь только сіи явились, какъ одинъ изъ бунтовщиковъ, вѣроятно, грамотный, а можетъ быть болѣе другихъ дерзкій, вызвался прочесть указъ самозванца и, указывая на бумагу, прибитую къ дереву, кричалъ во всю мочь, чтобъ они покорились императору Петру III-му, который съ многочисленнымъ войскомъ находится въ оренбургской губерніи. Въ противномъ случаѣ, должны страшиться его гнѣва: селеніе будетъ разграблено, выжжено и самые жители будутъ истреблены. Тресвятчане, вразумленные увѣщаніями начальства, сказали, что они присягали императрицѣ и не нарушатъ своей присяги и готовы защищаться. Село, какъ увидимъ далѣе, съ одной стороны было укрѣплено валомъ и могло противиться такимъ ничтожнымъ непріателямъ.

Послѣ такого отвѣта, мятежники опять удалились за Каму. Жители Тресвятскаго, зная, что тѣмъ дѣло не кончится, отнеслись

¹⁾ Елабуга, до покоренія Іоанномъ IV Васильевичемъ Казани, была татарское селеніе, и настоящее его названіе „Алабуга“, какъ оно и пишется по магометански. Слово это татарское и означаетъ окунь. Дано, вѣроятно, по близъ лежащему большому озеру, обильному прежде окунями, которые и по нынѣ еще не вывелись. Коренные жители Алабуги, по взятіи Казани, или были вытѣснены или удалились сами — не извѣстно; только нынѣшніе не считаютъ себя коренными, а переселенцами изъ лежащихъ на Волгѣ, выше Казани, губерній; названіе же Тресвятскаго Алабуга получила отъ иконы Трехъ Святителей, присланной царемъ Іоанномъ IV Васильевичемъ въ здѣшнюю Покровскую церковь; но названіе это почти совершенно забылось, когда, по преобразованіи губерній, это селеніе поступило въ число городовъ, гдѣ старинное названіе одержало верхъ.

въ губернской городъ, съ извѣстіемъ, что здѣсь явились шайки Пугачева и что жители нуждаются въ помощи.

Между тѣмъ отовсюду приходили въ село не радостныя вѣсти, особенно изъ-за Камы, объ усиленіи самозванца. Въ это время, одинъ изъ жителей Тресвятскаго, нашелся предатель, Алексашка Бурмистровъ. Онъ былъ нравственности самой дурной, дерзокъ, силенъ, росту высокаго, словомъ имѣлъ всѣ качества душевныя и тѣлестныя, составляющія разбойника. Услыша о мятежѣ, онъ стаскался за Каму и прибылъ оттуда въ казацкой одеждѣ, сказывая, что онъ полковникъ его величества, и началъ разглашать самыя нелѣпыя слухи. Сколько его не уговаривали, чтобы онъ обуздаль свой языкъ и снялъ съ себя позорный чинъ полковника самозванца, но ничто его не вразумляло.—Въ одно время, здѣсь, у богатаго человѣка, были крестины,—онъ не побоялся придти въ собраніе, и такъ дерзко обращался, что буйство его, относительно законной власти, вышло изъ границъ. Духовныя лица, а именно: протоіерей Іоаннъ Александровъ, пятидесяти-лѣтній старецъ¹⁾, священники: Григорій Яковлевъ Троянскій и Θεодотъ Романовъ, послѣ бесполезныхъ увѣщаній, вздумали его схватить и представить маіору, о которомъ былъ уже слухъ, что онъ, съ ротою солдатъ, былъ не далеко отъ Елабуги, отряженный изъ Казани, по полученіи извѣстія о явившихся здѣсь шайкахъ Пугачева.

При помощи жителей, они его взяли, связали, посадили въ кулъ, и повезли, какъ залогъ вѣрности престолу. Радуюсь, что остановили зло, безчестившее ихъ паству, они прибыли въ село Танайку, находящееся отсюда въ 8-верстахъ, гдѣ уже проявлялся духъ возмущенія. Народъ, видя такое явленіе, изъ любопытства, собрался, во множествѣ, къ тому дому, гдѣ они остановились. Услышавъ шумъ говорящаго народа, Бурмистровъ закричалъ въ кулъ:

— „Батюшки, народъ православный! я полковникъ государя Петра Θεодоровича; не выдайте! злодѣи меня хотятъ погубить!“

Такимъ отчаяннымъ воплемъ онъ возбудилъ жителей къ жалости; они его выпустили изъ куля, и развязали веревки. Получивъ свободу, измѣнникъ не много употребилъ труда склонить

¹⁾ Въ соборныхъ метрикахъ онъ значится умершимъ 1784 года въ октябрѣ мѣсяцѣ, 60-ти лѣтъ.

на свою сторону народъ, и безъ того колебавшійся. Тогда вся ярость жителей обратилась на духовныхъ; Танаевцы ихъ били, таскали по землѣ, пинали и наконецъ посадили въ тотъ же куль, въ которомъ сидѣлъ Бурмистровъ, чтобы въ немъ опустить ихъ въ Каму. Но Богъ сохранилъ ихъ: изъ Танаевцевъ нашлись старики поумнѣе, которые положили въ совѣтъ, что имъ не дано права судить и губить, а лучше представить виновныхъ самому государю, — такъ величали самозванца заблуждавшіеся жители. Такой совѣтъ одержалъ верхъ, и бѣдныхъ защитниковъ державной власти, связавши, повезли за Каму, въ Оренбургскую губернію, гдѣ находился Пугачевъ.

Во время путешествія, ихъ били по щекамъ, оплевывали, таскали за волосы, не разъ накладывали на шеи веревки, чтобы задавить, не разъ намѣревались отрубить головы, — всему этому причиною былъ окаянный измѣнникъ. Невинные страдальцы, видя безнадежное свое положеніе, молились Богу, и частовременно исповѣдывали другъ другу грѣхи свои. Злодѣи долго перевозили ихъ изъ мѣста въ мѣсто, таскали на протяженіи 200 верстъ и наконецъ довели до крѣпости, которую здѣшніе называли Нагайбакъ. Эта крѣпость обложена была партіями Пугачева, но еще держалась. Начальникъ оной, услыша о бѣдственномъ состояніи духовныхъ, принялъ въ нихъ участіе. Не могши взять силою, онъ вступилъ съ бунтовщиками въ переговоры, чрезъ постороннихъ людей и выручилъ страдальцевъ изъ плѣна, чрезъ деньги. Мученики, какъ можно ихъ назвать по претерпѣннымъ ими страданіямъ, возвратились домой въ концѣ великаго поста, тяжело страдая въ продолженіи 5 мѣсяцовъ. А окаянный Бурмистровъ едва ли не до конца разыгрывалъ роль Иуды предателя. Близъ Нагайбака онъ присоединился къ толпамъ Пугачева и самъ ли удавился, или былъ кѣмъ удушенъ — какъ бунтовщикъ — неизвѣстно, но только не возвращался на родину и не оставилъ по себѣ ни роду, ни племени.

Въ концѣ ноября 1773 года явились въ окрестностяхъ села шайки Пугачева, состоящія изъ казаковъ, татаръ и башкирцевъ. Они, именемъ Петра III-го, заставляли покоряться самозванцу. Окрестныя села, какъ-то: Челны, Сарали, Качка, Танайка и всѣ деревни, ближайшія къ Елабугѣ, не имѣя силы противиться, сдались. Большое село Танайка особенно прославило, или лучше

сказать, постыдило себя: въ немъ основался главный притонъ разбойниковъ. Такимъ образомъ, село Тресвятское осталось только одно на сторонѣ законной власти, и жители его рѣшились защищаться, хотя средства къ тому довольно были недостаточны.

Сами они ничего не смыслили въ военныхъ дѣлахъ. Оружіемъ ихъ было: нѣсколько охотничьихъ ружей и малая часть бердышей, которые и доселѣ (1845 г.) хранятся и, ржавчиною своею, свидѣтельствуютъ о своей давности. Улицы и переулки, съ запада и сѣвера, заставили полѣнницами (а дровами, обыкновенно, запасались на зиму). Къ востоку, тамъ гдѣ прежде была деревянная, а нынѣ каменная Николаевская церковь, находилась крѣпость, съ землянымъ валомъ и пятью деревянными башнями, чего нынѣ и слѣдовъ не видно. Таковыя укрѣпленія были устроены еще ранѣе Пугачевщины, для защиты отъ разбойниковъ, которые, въ прошедшемъ столѣтіи, во множествѣ, плавали по Камѣ и грабили бережныя селенія, а болѣе отъ нашествія башкирцовъ, которыхъ граница въ древнее время была отсюда, за Камою, не болѣе 30 версть. Изъ среды своей Тресвятчане избрали способныхъ людей, поставили ихъ на военную ногу и учредили, чтобы денно и ночью были караулы. Къ такимъ способамъ присоединялась надежда, что они не останутся безъ помощи отъ правительства, а болѣе всего возлагали надежду на Бога Спасителя. И Богъ послалъ имъ человѣка, необходимаго въ это смутное время.

Изъ Казани прибылъ майоръ, прозваніемъ Пермскій, съ ротою солдатъ, состоящую изъ ста человѣкъ, съ барабанщикомъ, съ ружьями и пушкою, отряженный для защиты Тресвятскаго и для удержанія дальнѣйшаго разлива въ здѣшнихъ мѣстахъ Пугачевскихъ скопищъ. Но что эта за защита!

Впрочемъ, и авангардъ арміи самозванца не могъ похвалиться грознымъ воинскимъ видомъ. Казаки, татары и башкирцы почти не имѣли огнестрѣльнаго оружія и копій съ желѣзными наконечниками. Но жителей села болѣе беспокоили крестьяне сданныхъ селеній. Они, чтобы показаться тоже воинами, обострили лутошки (то есть липовые палки, съ которыхъ содрали лыки себѣ для лаптей), и чтобы придать имъ видъ копій, верхушки замарали сажей или обожгли, и страшны были своею многочисленностію.

Село Тресвятское издавна было торговымъ мѣстомъ: хорошее мѣстоположеніе благопріятствовало тому. Кама, текущая недалеко,

а во время разлива приближающаяся къ самому селенію, была не послѣднимъ средствомъ для оборотовъ торговли. Еще съ незапамятныхъ временъ, болгары, карагегяне здѣшнихъ краевъ, не упустили изъ вида это мѣсто. Чтобы всѣ отрасли здѣшней промышленности прибрать въ свои руки и владѣть рѣкою, они выстроили городокъ, близъ нынѣшней Елабуги, котораго остатокъ и нынѣ извѣстенъ подъ именемъ чортова городища. Жители окрестныхъ селъ и деревень привозили сюда для продажи все, что имъ доставляли поля, лѣса, промышленность и труды, а здѣсь покупали они не только необходимое для ихъ быта, но даже для нарядовъ и лакомства. Такое мѣсто, не говоря уже о сволочи Пугачева, и для окрестныхъ жителей было большою приманкой. Время Пугачевщины можно изъяснить словами писанія: „въ тья дни не баше царя во Израили: мужъ, еже угодно предъ очима его, творяше“. Мятежные крестьяне вздумали получить все то даромъ, что прежде покупали на деньги, и обогатиться на чужой счетъ. Здѣсь умудрились, или лучше сказать, обезумѣли самая жены; посылая въ село, матери говорили своимъ дѣтямъ а жены мужьямъ: „принеси мнѣ витайки на сарафанъ“, другая—фату; иная—парчи на кокошникъ, да позументъ на него. Дѣвицы просили у своихъ братцевъ красныя ленточки въ косы и сафьяныя башмаки. А дѣти, видя, что отцы собираются въ Тресвятское, лепетали: „тятя! принеси мнѣ гостинцевъ, калачикъ, изюму, пряничекъ: пѣтушка съ гребешкомъ“. При такомъ распутствіи, мятежники, собираясь толпами, отправлялись на похвальный промыселъ.

Первое нашествіе было въ день Богоявленія Господня, 6-го января 1774 года, во время обѣдни, когда большая часть жителей была въ церквахъ. Они, услышавъ выстрѣлъ и тревогу, тотчасъ вышли изъ церквей и побѣжали къ укрѣпленіямъ; остались въ храмахъ только духовныя лица для окончанія Божественной службы. Выстрѣлъ послѣдовалъ отъ слѣдующей причины: толпы лутушниковъ, изъ Танайки, съ казаками, татарами и башкирцами, подошли къ селу и, ставши нѣсколько въ отдаленіи отъ полѣнницъ, послали одного соглядата, Танаевца, рассмотреть что дѣлается въ Елабугѣ. Бойкій соглядатай, избравши довольно большое отверстіе въ полѣнницѣ, устремилъ туда прозорливое свое око. Солдатъ, бывший на стражѣ, замѣтилъ это и нацѣлилъ ружье въ глазъ Танаевца; пуля вышибла полѣно, которое ударило въ

грудь ему и соглядатай, отлетѣвши отъ полѣнницы на сажень, закрыль свои зоркіе глаза на вѣки. Прискакаль маіоръ съ солдатами, которые выстрѣлили въ толпу изъ ружей, а изъ пушки въ полѣнницу; пули и полѣнья, въ нихъ полетѣвшія, устрошили толпы такъ, что онѣ, ошеломленные такимъ неожиданнымъ приемомъ, побѣжали въ свои жилища, но не съ тѣмъ, чтобы не возвращаться болѣе.

Послѣ того, мятежники вздумали подступить къ селу другимъ образомъ. Тащатся въ село возовъ пятьдесятъ сѣна; но, выше возовъ, торчавшія обожженные лутошки измѣнили хитрецамъ, которые скрывались за ними. Барабанщикъ это понялъ и ударилъ тревогу; солдаты съ пушкой явились и въ нихъ выстрѣлили; но выстрѣль столько былъ метовъ ¹⁾, что пронесся гораздо выше ихъ головъ и ядро снесло охлопень съ избной крыши живущаго за логомъ крестьянина; впрочемъ, толпа побѣжала; только восемь человѣкъ изъ нея отдѣлились и устремились въ стоящую за логомъ деревню Ерзовку. Барабанщикъ, увидя это, схватилъ ружье, одинъ пустился за ними и выгналь ихъ оттуда. Таковы были войны!

Эти нападенія здѣшніе жители называютъ приступами, ихъ считаютъ двѣнадцать; но всѣ они, со стороны враговъ, были безуспѣшны. Во время всякаго приступа, солдаты и жители стрѣляли изъ ружей по осаждающимъ, а особенно пушка была чистымъ пужаломъ для передавшихся Пугачеву. Солдаты и жители со всевозможною скоростію перевозили ее изъ мѣста въ мѣсто и стрѣляли тамъ, гдѣ, отъ множества приступающихъ, была бдльшая опасность и вотъ, вмѣсто подарковъ матерямъ, женамъ, дѣтямъ, привозили ихъ дѣтей, мужей и отцовъ, избитыхъ, раненыхъ, а не рѣдко и трупы, для воздаянія имъ послѣдняго долга — погребенія.

Какъ только стража бывало увидить толпы народа, приближающагося къ селу, то жители, въ сопровожденіи духовенства, выносили икону Спасителя изъ храма, останавливались съ нею тамъ, гдѣ было болѣе опасно, и молились. Не разъ многочисленныя толпы привозили возы съ вѣниками, соломой, хворостомъ,

¹⁾ Говорятъ, что маіоръ Пермскій, жалѣя ослѣпленную чернь велѣль выстрѣлами только пугать, а не убивать.

чтобы, приближась къ дровянымъ укрѣпленіямъ, бросить ихъ, зажженные, для произведенія пожара и во время смятенія открыть себѣ путь; но всѣ ихъ выдумки обращались въ ничто: они съ какимъ то страхомъ подходили къ ЕлабугѢ, дѣйствовали не рѣшительно, робко, и всегда возвращались домой съ тѣмъ, съ чѣмъ и пришли, рассказывая, что чѣмъ болѣе подходили къ селу, тѣмъ болѣе оно скрывалось отъ глазъ ихъ. Оно было для нихъ окружено какою то мглою, туманомъ и они впередъ не видѣли, а оборотившись къ своимъ жилищамъ, ясно видѣли дорогу, по которой пришли, и она какъ будто ихъ манила споконно возвратиться домой, что они и дѣлали.

Наконецъ, видя неудачу частныхъ приступовъ то съ той, то съ другой стороны, казаки, татары и башкирцы снеслись съ окрестными жителями и положили въ совѣтъ, чтобы всѣмъ, вооружившись, кромѣ лутошекъ, вилами, топорами и всѣмъ, чѣмъ только возможно, въ одинъ день окружить Тресвятское и взять его, во что бы ни стало. Вслѣдствіе такого совѣщанія, оно окружено было несмѣтными толпами народа. Казаки, татары и башкирцы скакали въ толпахъ крестьянъ съ нагайками и дубинками, побуждая ихъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ—взять село.

Жители его, видя такое множество злодѣевъ, и не надѣясь на свои силы и на помощь солдатъ, прибѣгли къ Господу: молились Спасителю во храмѣ, служили молебны, вынесли изъ церкви Его икоѣну, обнесли подлѣ слабыхъ своихъ укрѣпленій, ходили съ нею по улицамъ и останавливались у деревянной башни, стоящей надъ логомъ у Николаевской церкви. Маіоръ, какъ и во время всякаго приступа, распоряжался, скакалъ вездѣ, осматривалъ укрѣпленія, ободрялъ унывавшихъ жителей, которые скорбѣли объ истратѣ пороха, отъ чего ружья и пушка, столь страшныя для бунтовщиковъ, теперь остались для нихъ бесполезными. Онъ говорилъ, что солдаты его готовы защищаться до послѣдней капли крови, что самъ онъ будетъ вездѣ, гдѣ только (будетъ) опаснѣе, увѣщевалъ ихъ вооружиться всѣмъ, чѣмъ только можно, и просилъ, чтобы они его солдатамъ, которыхъ онъ, раздѣливши, поставилъ на опасныя мѣста, вспомоществовали сколько возможно; утѣшалъ, что непріатели, хотя и многочисленны, но вооруженіе ихъ ничтожно, и они малодушны и робки, что слѣдуетъ только разъ ихъ встрѣтить храбро и эти трусы всѣ убѣ-

гутъ! Но помощь пришла не отъ скудныхъ вещныхъ пособій, а съ неба. Пока это происходило въ селѣ, черныя густыя облака облегли небо. Поднялись: вьюга, метель, буря, что все ударило въ лицо осаждающихъ. Они отряхали отъ снѣга свои одежды, протирали глаза; но, по причинѣ сильной бури, за шагъ ничего не могли видѣть. Вертѣлся каждый на своемъ мѣстѣ—назади все для нихъ было ясно, а впереди—тьма непроницаемая. Вздумали подождать: не пройдетъ ли такая метелица; но она часъ отъ часу только увеличивалась. Наконецъ, не могли вытерпѣть пронзительнаго вѣтра со снѣгомъ, который ужасно рѣзалъ имъ лица, они вскричали: это не просто! и, оборотивши тылъ, побѣжали нечестивые, ни единому же гонящу.

Это былъ послѣдній приступъ! Возвратившись въ мѣста своихъ жительствъ, окрестные крестьяне начали прозрѣвать отъ своего ослѣпленія. Во времена благополучныя, приходивши въ село, они за первый долгъ почитали сходить въ церковь, отслужить молебень предъ иконою Спасителя, повидаться съ знакомыми, близкими, даже родственниками, а теперь, одумавшись, говорили: что мы дѣлаемъ? Бурю, прогнавшую ихъ, они приписали чуду, происшедшему отъ иконы Спасителя, которую нынѣ съ благоговѣніемъ принимаютъ въ свои селенія ежегодно и молятся, всякой въ своемъ домѣ. Тогда, вмѣсто прежняго ожесточенія, заступило искреннее раскаяніе, и никто изъ нихъ уже не думалъ о возобновленіи приступовъ. Настала весна и искатели чужаго злата, хотѣвшіе собрать тамъ, гдѣ не расточали, и пожать, гдѣ не сѣяли, принялись воздѣлывать свои поля и огороды, отъ которыхъ плоды во всякое время вѣрнѣе.

Казаки, татары и башкирцы, опечаленные неудачею приступовъ, не могли сами по себѣ ничего предпринять и, оставшись праздными, начали объѣдать, опивать и разграблять окрестныя селенія, а особенно Танайку, которыя не могли уже вырваться изъ когтей злодѣевъ, и тѣмъ довольно наказали себя за временное отступленіе. Они ожидали своего предводителя съ главными силами, къ которымъ присоединясь, опять думали найти приволье и раздолье; но случилось не такъ.

Достойный ихъ вождь замедлилъ принести имъ приволье и раздолье. Маіоръ Пермскій благовременно сдѣлалъ представленіе начальству о томъ, сколько зла они здѣсь дѣлаютъ, что онъ на-

ходится отъ нихъ въ осадѣ и опасности, и что силы его недостаточны для истребленія ихъ, тѣмъ болѣе, что имъ передались всѣ здѣшнія селенія, кромѣ Тресвятскаго, въ которомъ онъ находится. Весной въ Тресвятское прибыли гусары, говорятъ, изъ за Камы, и едва отдохнувши пустились прямо въ Танайку и начали рубить казаковъ, татаръ и башкирцовъ; они, видя невзгоду, стали скрываться, кто куда могъ; но ихъ находили въ погребяхъ, овинахъ, логахъ и умерщвляли. Тоже сдѣлали и въ окрестныхъ селеніяхъ. Едва малая часть изъ нихъ успѣла спастись. Они еще явятся на сценѣ этой трагедіи. Танаевцовъ тоже вразумили и ихъ же добро и одежды привозили сюда и раздавали жителямъ, какъ награду за вѣрность. Здѣшніе старики не могли ничего сказать, кто былъ начальникомъ гусаръ и отъ кого они посланы были, а только оставшіеся въ живыхъ, очевидцы, говорятъ: „какъ теперь ихъ видимъ: молодцы, да и только!“

Такимъ образомъ главные непріатели были истреблены. Въ окрестныхъ селеніяхъ водворенъ порядокъ и устройство. Маіоръ Пермскій, видя, что нечего здѣсь дѣлать, вмѣстѣ съ гусарами отправился за Каму, въ Оренбургскую губернію, гдѣ война съ самозванцемъ была въ полномъ разгарѣ. Переправясь за Каму, они отдѣлились. Гусары успѣли присоединиться къ полкамъ Михельсона, а маіоръ Пермскій, здѣшній защитникъ, чловѣкъ достойный любви и почтенія, въ 150 верстахъ отсюда, былъ окруженъ шайками Пугачева, вступилъ съ ними въ бой; но былъ подавленъ многочисленностію бунтовщиковъ и съ ротою изрубленъ на мѣстѣ; а другіе говорятъ, что онъ, при этомъ случаѣ, взять въ плѣнъ, представленъ Пугачеву, который требовалъ отъ него присяги себѣ, но, получивъ отказъ, велѣлъ содрать съ него кожу.

II.

Послѣ отбитыхъ приступовъ жители Елабуги успокоились и думали, что вся опасность миновалась, но спокойствіе ихъ не долго продолжалось. Гроза еще сильнѣе собиралась для нихъ на востокѣ.

Здѣсь приличнымъ нахожу сослаться на два описанія Пугачевского бунта, изъ коихъ объяснятся мѣста и время, относительно нашего предмета.

В. Б. Броневскій пишетъ: „Пугачевъ, изгнанный изъ окрест-

ностей Оренбурга, послѣ многихъ неудачъ, не успѣлъ взять и Кунгура, пошелъ къ Камѣ, взялъ Осу, переправился чрезъ Каму и, раззоривъ Воткинскій и Ижевскій заводы, обратился на Казань. Полковникъ Толстой, посланный съ большою командою, сдѣлался жертвою дурныхъ распоряженій. Пугачевъ съ двадцатью тысячами вновь собранной сволочи, состоявшей изъ Яицкихъ казачковъ, ссыльныхъ, башкиръ и фабричныхъ крестьянъ, большею частію съ дубинками и заостренными кольями, 12-го іюля 1774 г., приступилъ къ Казани, со стороны Казанки“.

А. С. Пушкинъ пишетъ: „23-го іюня Пугачевъ переправился чрезъ Каму и пошелъ на заводы Ижевскій и Воткинскій. Венцель, начальникъ оныхъ, былъ мучительно умерщвленъ, заводы разграблены и всѣ работники забраны въ злодѣйскую толпу.

Здѣсь, изъ описанія перваго, видно, что отъ Ижевскаго завода Пугачевъ прямо отправился въ Казань и 12 іюля подступилъ къ ней, а изъ втораго, что 23-го іюня онъ пошелъ на заводы Ижевскій и Воткинскій.

Оба они, разумѣется, по неимѣнію данныхъ, опустили мѣста и оставили промежутокъ времени, въ которое Пугачевъ не былъ въ бездѣйствіи и гдѣ нибудь проходилъ со своими шайками. Въ это время нами Тресвятчане и встрѣтили его.

Слухъ о томъ, что Пугачевъ, съ многочисленными толпами, переправился на здѣшнюю сторону Камы, и что онъ, раззорившій Воткинскій и Ижевскій заводы ¹⁾, еще болѣе усилилъ толпы свои рабочими, ужасно поразилъ жителей Елабуги. Всѣ думали, что онъ на Казань пойдетъ чрезъ здѣшнія мѣста, какъ ближайшія ²⁾, и вѣсти о томъ, время отъ времени, начали проясняться, наконецъ уже не осталось никакого сомнѣнія. Тресвятчане болѣе всѣхъ имѣли причину бояться его кроваваго посѣщенія. Противу сомнѣній Пугачева, съ которыми онъ надѣялся взять и самую Казань, защищаться было невозможно. Защитникъ, маіоръ Пермскій, выбылъ; солдаты отправились съ нимъ, взяли и пушку.

Такія тѣсныя обстоятельства заставили достаточныхъ искать безопасныхъ мѣстъ подалѣе, особенно въ Казани. Протоіерей

¹⁾ Ижевскій заводъ отъ Елабуги находится въ 150 верстахъ.

²⁾ Казань чрезъ Мамадыжъ разстояніемъ отсюда находится въ 180 верстахъ, а чрезъ Шуни по большой дорогѣ, называемой Арскою, въ 220 верстахъ.

Іоаннъ Александровъ, съ товарищами своего несчастія, зная по опыту, сколь тяжко быть въ рукахъ полчищъ Пугачевскихъ, тоже отправился въ Казань, по многолюдству и укрѣпленію, считая ее надежнымъ пристанищемъ.

Но шайки Пугачева, какъ ужасныя привидѣнія, всюду слѣдовали за ними и даже тамъ не дали имъ покоя: они должны были переносить все тѣ бѣдствія, которыя въ то время терпѣла несчастная Казань; не думали даже остаться въ живыхъ; боялись задохнуться отъ тѣсноты, отъ дыму и жара горячей Казани, или быть избитыми отъ бунтовщиковъ, которые стрѣляли по крѣпости и едва въ нее не ворвались; но Господь помиловалъ ихъ. Неимѣющіе средствъ исвать вдали безопаснаго убѣжища, нѣкоторые Тресвятчане выбрались изъ села на луга, лежащіе къ югу, гдѣ и нынѣ находятся высокіе осокоры и ивовый кустарникъ, прежде бывшій густымъ; тамъ они и спрятались. Остальные, поручивъ себя промыслу Господню, остались въ своихъ жилищахъ.

Въ послѣднихъ числахъ іюня 1774 года явился Пугачевъ на пути къ Елабугѣ.

Нѣкоторые изъ казаковъ, татаръ и башкирцовъ, успѣвшіе укрыться отъ истребленія гусаръ, предстали предъ него, и сказали, что село Елабуга не сдалось и что, вѣрные ему, передовые полки, казаки, татары и башкирцы, кромѣ ихъ, все изрублены.

Пугачевъ, выслушавъ такое извѣстіе, пришелъ въ ярость и обрекъ село на погибель, чего и должно было ожидать отъ такого злодѣя, какимъ описываютъ его: онъ, безъ пощады, безъ нужды, лилъ кровь, не только противившихся, но и добровольно сдававшихся ему жителей.

Въ осьми верстахъ отъ Елабуги расположился онъ ночевать въ селѣ Сараляхъ, въ домѣ заводчика Красильникова.

— Кстати о немъ.

Заводчикъ Семенъ Тихоновъ Красильниковъ, въ свое время, былъ человекъ значительный въ здѣшнихъ мѣстахъ. Онъ содержалъ мѣдиплавильный заводъ, къ которому были приписаны крестьяне; заводъ его былъ въ селѣ Сараляхъ, въ 8 верстахъ отсюда, на рѣчкѣ Каринкѣ, и занималъ прекраснѣйшее мѣстоположеніе, которымъ онъ умѣлъ воспользоваться. Въ прудѣ заводскомъ у него были насажены разнаго рода рыбы; на горѣ, у пруда, рисовался садъ съ аллеями, изъ деревъ разнаго рода,

въ здѣшнихъ мѣстахъ единственный. Отъ сада, на другой сторонѣ рѣчки Каринки, былъ его домъ большой и богато-убранный, гдѣ, какъ говорятъ, провелъ ночь Пугачевъ, а Красильниковъ на это время удалился въ Казань, гдѣ спасся въ крѣпости. Богатый отъ получаемой руды, онъ былъ богатъ и усердіемъ на богоугодныя заведенія. Въ мѣстѣ своего жительства, въ селѣ Саралахъ (тамъ покоится и прахъ его) онъ выстроилъ каменную церковь. Въ здѣшнемъ соборѣ памятниками его усердія остались: серебряная, подъ золотомъ, риза въ 23 фунта на иконѣ Спасителя и такая же на иконѣ Корсунской Божіей Матери; первая на правой, а вторая на лѣвой сторонѣ иконостаса холодной церкви. Въ большой колоколъ для собора онъ приложилъ триста пудъ мѣди. Къ тому же онъ былъ человѣкъ просвѣщенный и любознательный. Рычковъ, извѣстный историкъ, бывшій въ здѣшнемъ краѣ, видѣлся съ Красильниковымъ, который сообщилъ ему преданія о чортовомъ городищѣ, увѣряя, что у него были записки о томъ, собранныя отцомъ его; но онѣ или сгорѣли, или утрачены по небреженію. Его преданія, какъ основательныя, были Рычковымъ изданы въ свѣтъ, на которыя ссылается и Эрдманъ, что отпечатано въ „Заволжскомъ Муравѣ“, въ 1 части изд. 1834 года. Подъ старость лѣтъ заводчика, мѣдная руда стала оскудѣвать; Красильниковъ скончался въ 1809 году. Нынѣ, гдѣ былъ садъ, стоятъ одни только пеньки; домъ палъ совершенно; гдѣ былъ богатѣйшій мѣдиплавильный заводъ, тамъ находится нынѣ мукомольная мельница; крестьяне, принадлежавшіе заводу, поступили въ государственное вѣдомство.

Въ домѣ Красильникова Пугачевъ повторилъ свой приговоръ относительно Тресвятскаго, намѣреваясь на другой день привести его въ исполненіе; но едва только онъ это сдѣлалъ, какъ почувствовалъ себя нездоровымъ: болѣзнь не дала ему успокоиться во всю ночь; онъ то ложился, то вставалъ; какіе-то грезы мучили его; да правда, и было ему о чемъ грезить. Такое безпокойство и мученіе онъ сочелъ слѣдствіемъ своего кроваваго приговора и, говорятъ, когда отмѣнили его, ему сдѣлалось нѣсколько легче.

На другой день, это, сказываютъ, было 28-го іюня 1774 г., на память Святыхъ апостоловъ Петра и Павла, онъ, все еще больной, разслабленный, сѣлъ на коня. Вотъ какъ очевидцы описывали его наружность: росту онъ былъ средняго, но широкъ въ

плечахъ; борода черная, не большая; глаза быстрые, пронизательные: онъ былъ въ полной казацкой одеждѣ. По причинѣ болѣзни, не могли ѣхать скоро, онъ тихо тащился къ селу.

Передъ нимъ и за нимъ тянулась его сволочь; въ ней ничего не было воинскаго: вооружены они были, какъ уже сказано Броневскимъ, дубинками, заостренными кольями, сверху обожженными, по тогдашнему обыменованію. Нѣкоторые имѣли и огнестрѣльное оружіе, взятое изъ заводовъ; ибо пушки и ружья, до того бывшія у него во множествѣ, онъ потерялъ при пораженіяхъ отъ Михельсона, выгнавшаго его изъ Оренбургской губерніи. Одежда ихъ была чрезвычайно разнообразна: одни были въ зипунахъ изъ овечьей шерсти, другіе въ суконныхъ дорогихъ кафтанахъ, иные въ сюртукахъ, во фракахъ и въ дорогихъ шубахъ, даже женскихъ; лѣтомъ, въ жаркое время, обливаясь пѣтомъ, тащили ихъ на себѣ, ибо жаль было съ ними разстаться; иные въ лаптяхъ, котлахъ, сапогахъ.

Надобно прибавить, что казаки, татары и башкирцы еще болѣе давали разнообразности этимъ шайкамъ: они имѣли свою національную одежду; у рѣдкаго не былъ назади мѣшокъ или пестерь, гдѣ они хранили похищенные вещи.

У многихъ на зипунѣ, чрезъ плечо, какъ у генераловъ, привязаны были красныя ленты, какъ выѣски крови; это были избранные изъ мужиковъ, его капитаны, т. е. люди, особенно отличавшіеся грабежемъ и убійствомъ.

Такой маскарадъ, конечно, былъ забавенъ; но въ то время смѣяться не было охотниковъ.

Въ Тресвятскомъ съ ужасомъ ожидали прибытія Пугачева; оставшіеся въ немъ жители не знали на что рѣшиться, а Пугачевъ, со всѣми силами, былъ надъ ихъ головами. Въ окрестныхъ селеніяхъ, сдавшихся прежде, гдѣ незадолго былъ водворенъ порядокъ, рассыпались толпы Пугачева и съ беззащитными поступали по своей волѣ.

Тресвятчане собрались близъ Храма Спасителя и, убитые горемъ, тихо совѣтовались о средствахъ, которыми бы можно отвратить страшную наступающую грозу. О сопротивленіи, какъ дѣлѣ невозможномъ, никто не смѣлъ и слова сказать; вздыхали о Пермскомъ, о солдатахъ, о пушкѣ; но согласились, что при настоящемъ случаѣ и это было бы недостаточно для ихъ защиты.

Послѣ долгихъ и тяжелыхъ думъ, рѣшились наконецъ идти на

встрѣчу съ иконою Спасителя, на которую надежда въ то несчастное время столько разъ была спасительна. Они твердо были увѣрены, что пойдутъ встрѣтить не императора Петра III, а злодѣя, которому промыслъ попустилъ на время быть владыкою ихъ живота и смерти.

Конечно Богъ и государь выше всего земнаго; но не будемъ подвергать строгому суду встрѣчу самозванца съ такою процесіею: въ ту ужасную эпоху согрѣшили такимъ образомъ не одни наши дѣды. Всемиловѣйшая государыня императрица Екатерина II, болѣе всѣхъ огорченная такимъ событіемъ, въ концѣ 1775 года, обнародовала общее прощеніе и повелѣла все дѣло предать вѣчному забвенію; забудемъ это и мы: пусть прахъ усоншихъ покоится въ мирѣ.

Относительно сарапульцевъ и елабужанъ, здѣсь можно сдѣлать замѣчаніе, которое не будетъ ни для той, ни для другой стороны обидно.

Сарапулъ и Елабуга—ближайшіе сосѣди: оба стоятъ на одномъ берегу Камы и одной губерніи и епархіи. Жители, по торговлѣ и по сосѣдству, между собою сблизились, скумились, сроднились; но между ими, какъ сосѣдями, подъ часъ заводится разговоръ о важномъ для тѣхъ и другихъ событіи—Пугачевщинѣ.

Сарапульцы вѣбняютъ имъ, елабужскимъ сосѣдямъ, въ вину встрѣчу самозванца; нельзя не сознаться!

Но сбивчиво рассказываютъ о себѣ, а экстрактъ ихъ рассказовъ таковъ: изъ Оренбургской губерніи пріѣхали къ нимъ два или три казака изъ партіи Пугачева и они сдались. Казаки, разившіеся гдѣ то болѣзнію, вздумали здѣсь лечиться на парахъ. Лекарство это, вмѣстѣ съ болѣзнію, испарило и измѣнической духъ ихъ и такимъ образомъ спасло сарапульцовъ.

Понинѣ у нихъ показываютъ мѣсто на горѣ, называемой Старцевою, гдѣ была ихъ расправа—висѣлица. Пугачевъ, разгромивши Воткинскій и Ижевскій заводы, самые къ нимъ ближайшіе, не былъ въ Сарапулѣ; а если бы онъ, съ огромными своими силами, вздумалъ идти на этотъ городъ, то, не знаю, чтобы они рѣшились сдѣлать?... .

Но возвратимся въ село Тресвятское.

Вслѣдствіе совѣта, священникъ Николаевской церкви, Григорій Михайловъ Замятинъ, пошелъ съ на-престольнымъ врес-

томъ; одни изъ жителей на встрѣчу несли икону, другіе слѣдовали за нею въ безмолвіи. За селомъ, гдѣ нынѣ большая дорога въ Сарапулъ, остановились и, увидя приближавшіяся съ шумомъ и крикомъ разнообразныя скопища Пугачева—оробѣли: одна минута, и судьба ихъ должна рѣшиться.

Пугачевъ, увидя встрѣчу, остановился; остановились и полчища его и, въ ожиданіи повелѣній, утихли: настала могильная тишина.

Приближась, на конѣ, къ встрѣчавшимъ, онъ, безъ гнѣва, тихо, слабымъ, по болѣзни, голосомъ сказалъ имъ:

— „Вы мятежники, бунтовщики, не сдавались!“

Священникъ отвѣчалъ: „мы присягали императрицѣ“.

Такой отзывъ Пугачевъ какъ будто не слышалъ, обративъ все свое вниманіе на икону Спасителя.

Потомъ, вдругъ, соскочилъ съ коня, приложился къ вѣсту, предъ иконою совершилъ три земные поклона и тоже приложился, внезапно отдалъ приказъ, чтобы войска его не заходили въ село ни для ночлега, ни просто, и они, не всегда исполнявшіе охотно подобныя повелѣнія, въ этомъ случаѣ оказали безпримѣрное повиновеніе.

Здѣшніе говорятъ, что ихъ было несмѣтное число; но Броневскій пишетъ, что Пугачевъ переправился черезъ Каму у Осы съ двадцатью тысячами. Если присоединить къ этому рабочихъ Воткинскаго и Ижевскаго заводовъ, да еще соръ, который онъ обыкновенно заметалъ по дорогамъ, то число его скопищъ, здѣсь бывшихъ, съ достовѣрностію можно опредѣлить двадцатью пятью тысячами, если только не болѣе. Одна половина сего сброда заняла сѣверную сторону Елабуги, въ хлѣбныхъ поляхъ, а другая къ югу, на лугахъ. Даже самъ Пугачевъ не поѣхалъ ночевать въ Тресвятское, а расположился провести ночь тоже на лугахъ, въ раскинутомъ шатрѣ. Старики показывают и мѣсто, гдѣ былъ его шатеръ; онъ отъ села не далѣе полу-версты, на видной открытой площади. Толпы, расположившіяся въ лугахъ, стали между срывававшимися въ кустахъ жителями и Елабугой: всякое сообщеніе пресѣлось.

Невозможно описать ужаса жителей. Последнее ихъ пристанище вовсе оказалось ненадежнымъ; одна только малая рѣчка, Вятка, отдѣляла ихъ отъ полчищъ; невнятный гулъ ихъ говора

доносился къ нимъ и оледѣнялъ сердца. Они трепетали за жизнь свою, притаились, не смѣли переходить изъ мѣста въ мѣсто, дабы не обратить на себя вниманія злодѣевъ, которые весьма легко могли истребить ихъ. Къ усугубленію ихъ несчастія, рѣка Кама, на берегу которой они расположились, преграждала имъ путь къ дальнѣйшему побѣгу. Многіе тихо влезали на высокіе осокоры и смотрѣли, не горятъ ли оставленные ими жилища и приникали ухомъ, не слышанъ ли вопль избиваемыхъ, оставленныхъ ими братій.

Въ такомъ отчаянномъ положеніи старцы, жены, всѣ вообще, даже самыя дѣти, обращали взоры и сердца ко храму Спасителя и безъ словъ молились, молились усердно да Господь помилуетъ ихъ.

Не въ лучшемъ положеніи находились и оставшіеся въ Елабугѣ. Они, видя себя со всѣхъ сторонъ окруженными полчищами бунтовщиковъ, ждали только часа, когда онѣ стиснутъ, раздавятъ и уничтожатъ ихъ; настала ночь, молились Богу и, какъ предъ смертнымъ часомъ, исповѣдывались во грѣхахъ своихъ.

На другой день Пугачевъ, проведши ночь въ шатрѣ, всталъ, и за первый долгъ почелъ обратить взоры свои на Тресвятское и—не взвидѣлъ его. Полагая, что сонная дремота давитъ его глаза, онъ умылся и—снова ничего не видитъ. Онъ вздрогнулъ, сѣлъ на мѣсто и снова началъ протирать глаза. повелъ ими вокругъ и хотя они были открыты, но не видѣли ничего; короче: Пугачевъ ослѣпъ! ¹⁾ Замѣтили это его приближенные и изумились. Вѣсть о томъ, перебѣгая изъ толпы въ толпу, поразила всѣхъ. Шумъ и крикъ утихли; всѣ, съ трепетомъ, смотрѣли на Елабугу, особенно на храмъ Спасителя; какой-то непонятный страхъ овладѣлъ ими, тѣмъ болѣе, что они ранѣе слышали о прежнихъ чудесныхъ отраженіяхъ.

Кромѣ сего, бунтовщики, зная, что подполковникъ Михельсонъ, столько разъ поражавшій ихъ въ Оренбургской губерніи, гнался за ними по пятамъ, страшились его прибытія. Они боялись, если онъ, подоспѣвши, ударитъ въ нихъ отъ востока въ тылъ, то всѣ они должны погибнуть, вмѣстѣ и съ слѣпымъ вождемъ

¹⁾ Внезапная слѣпота Пугачева, быть можетъ, покажется кому невѣроятною; но всеобщій гласъ народа — гласъ Божій — достаточно подтверждаетъ истину этого событія.

своимъ; ибо избранное ими мѣстоположеніе въ лугахъ весьма было опасно: по разбитіи ихъ скопищъ, чего они и ожидали, имъ некуда было бѣжать изъ клина, который они заняли. Къ югу лежала рѣка Кама, къ западу крутая гора, на которой стоитъ Чортово городище, а къ сѣверу стояло село Тресвятское, на жителей котораго они не могли надѣяться; ибо не знали, что оно оскудѣло и въ людяхъ и въ средствахъ защищаться, а полагали, если они увидятъ Михельсона, то, одушевленные надеждою, усугубятъ поражение; такое положеніе заставляло ихъ думать совсѣмъ не о грабежѣ, а какъ бы скорѣе убраться.

Болѣе всѣхъ, какъ и слѣдовало, былъ пораженъ самъ Пугачевъ. Опасное положеніе скопищъ, предшествующая болѣзнь, а особенно внезапное ослѣпленіе и для него показались перстомъ Божиимъ—и онъ не зналъ на что рѣшиться. Въ сопровожденіи приближенныхъ, хотѣлъ отправиться въ Тресвятское—чудно дѣло!—помолиться Спасителю; но раздумалъ потому, чтобы не испугать жителей: столько де сталъ набоженъ!

Наконецъ, изъ своихъ приближенныхъ, онъ выбралъ одного и послалъ въ село помолиться за себя; этого человѣка здѣшніе называютъ ординарцемъ Пугачева.

Ординарецъ смиренно прибылъ въ храмъ и предъ иконою Спасителя отслуженъ молебень за здравіе императора Петра III. Говорятъ, чему трудно повѣрить, онъ просилъ жителей, чтобы они позволили войскамъ „государя“ пройти черезъ село, что было ближе, увѣряя, именемъ его, въ ихъ безопасности.

Ординарецъ возвратился къ самозванцу; послѣдній между тѣмъ прозрѣлъ, толпы его засуетились и начали изготавляться въ походъ. Собравшись, онъ потянулись изъ луговъ къ селу, по дорогѣ, которая лежала близъ Николаевской церкви; она и нынѣ таже. Жители ужаснулись; побѣжали въ свои дома, заперлись, окошки закрыли ставнями и въ щели робко смотрѣли, въ ожиданіи что изъ этого выйдетъ. Жены, не смѣя громко рыдать, всхлипывали, прижимая дѣтей своихъ къ сердцу.

На самой дорогѣ, по которой надобно было проходить, стояла башня, двери ея были отворены и черезъ нихъ потянулись пѣшія и конныя толпы Пугачева.

Онъ оборачивались, смотрѣли на дома, но шли своею дорогою. Надобно было проходить близъ самаго храма Спасителя;

крещенные бунтовщики снимали шапки, крестились и кланялись; самые татары и башкирцы говорили: Алла! Не сдѣлавши никакого неблагопрістойнаго поступка, они вышли изъ села, и пошли по дорогѣ къ селенію Лекареву.

Эта неистовая и буйная сволочь, озираясь назадъ, шла тихо и безмолвно, какъ будто предводительствовалъ ею не Пугачевъ, а какая-то непостижимая сила.

Въ шести верстахъ за логомъ, перешедши мостъ на рѣчкѣ Танайкѣ, у деревни Колосовки, они отдохнули, и будто вырвавшись на волю съ прежнихъ тяжелыхъ работъ заводскихъ, Нерчинскихъ рудниковъ, фабричныхъ, крѣпостныхъ и изъ тюремъ, въ которыхъ, не исключая ихъ вождя, рѣдкіе не были, они зашумѣли, закричали, или лучше, какъ рассказываютъ, „заорали, загагали,“ такъ что вся окрестность, переливаясь въ эхо, загрохотала.

Пугачевъ пошелъ отсюда на Мамадыжъ, городъ, принадлежащій Казанской губерніи, отстоящій отсюда въ 40 верстахъ, гдѣ при самомъ городѣ, переправился чрезъ рѣку Вятку и провалился навсегда.

Убытокъ здѣшнему мѣсту онъ причинилъ только тотъ, что потопталъ хлѣбъ и потравилъ луга. Потеря не велика, особенно тогда, когда каждый часъ надобно было благодарить Бога, что голова еще на плечахъ.

Подполковникъ Михельсонъ, гнавшійся за Пугачевымъ по пятамъ, въ Тресвятскомъ не былъ. Онъ, вѣроятно, зная, что, послѣ такой саранчи, нельзя было для войска найти никакого удобства и продовольствія, по дорогѣ, называемой Арскою, прошелъ отъ Елабуги къ сѣверу въ 30 и переправился чрезъ Вятку въ 64 верстахъ, именно тамъ, гдѣ перевозъ нынѣ называется Шунскимъ, близъ татарской деревни Шуни.

III.

Хотя Пугачевъ вышелъ уже изъ границъ не только нынѣшняго Елабужскаго уѣзда, но и губерніи, слѣдовательно долженъ бы выйти изъ границъ статьи нашей, но, — считаю не лишнимъ сообщить еще нѣсколько подробностей.'

Грозами, молніями и кровавыми дождями разразились черныя тучи Пугачева надъ другими мѣстами сильными и крѣпкими. Трудно повѣрить, какимъ образомъ село, малое, ничтожное, заб-

венное среди всеобщаго разрушенія, въ мѣстахъ, которыми проходилъ разрушитель, одно могло ущѣлѣть, тѣмъ паче, когда оно было еще причиною его ярости, въ чему подали поводъ долговременное сопротивленіе и истребленіе его передовыхъ полковъ; но это подлинно было такъ: только чудо могло спасти Тресвятское. Здѣсь Пугачевъ былъ самъ не свой и забылъ, что онъ—разбойникъ.

Когда сонмища грабителей и губителей удалились съ своимъ вождемъ и вся опасность миновалась, тогда, по извѣщенію о семъ, возвратились въ свои жилища и скрывшіеся въ кустахъ жители, и—какая радость; какой восторгъ!... Обреки на гибель оставшихся въ селѣ своихъ знакомыхъ, друзей, родственниковъ, они увидѣли ихъ здоровыми, невредимыми. Угодно было Промыслу, чтобы ни одинъ волосъ не потерялся съ головъ жителей богоспаасаемаго Тресвятскаго. Дома ихъ были цѣлы, имѣніе не было расхищено. Въ радости они обнимали другъ друга и за первый долгъ почли принести искреннюю, сердечную благодарность Богу Спасителю, предъ Его изображеніемъ, Который внялъ ихъ моленіямъ во дни скорби и печали. Одно только отравляло ихъ радость. Они скорбѣли о своихъ пастыряхъ, удалившихся въ Казань, которой несчастная участь скоро сдѣлалась извѣстною. Живы ли они, не слышно ли чего о нихъ, это было предметомъ ихъ заботъ и вопросовъ; но и они, въ концѣ іюля, прибыли благополучно. Новая радость!... Въ то несчастное время они болѣе всѣхъ изъ жителей претерпѣли страданій и мученій, и смерть, подъ разными видами, близко являлась къ нимъ; въ возмездіе за то они долго здѣсь были пастырями въ любви и почтеніи у жителей и въ преклонныхъ лѣтахъ опочили въ мирѣ.

Скажемъ здѣсь еще нѣчто о крестьянахъ окрестныхъ селеній, которые неволею или волею корысти присоединились къ толпамъ Пугачева и пошли на Казань; посмотримъ, какъ они возвратились. Нынѣ (т. е. въ 1845 г.) они умерли всѣ, а лѣтъ за 14 и за 10 были еще нѣкоторые въ живыхъ и мнѣ самому случалось слышать ихъ рассказы о томъ. Даже теперь (въ 1845 г.) многіе крестьяне говорятъ, что или дѣдъ, или отѣцъ ихъ ходили на Казань, а сущность ихъ рассказовъ одинакова: шли они до Казани, какъ паны; первый отсюда городъ, Мамадыжъ, встрѣтилъ ихъ съ иконами; села, деревни сдавались; пили, ѣли, что

хотѣли, брали, что понравится, взяли и Казань—цѣль своего похода—какое богатство!..

Дорогія одежды, шелковыя, бархатныя, вещи серебряныя, золотыя, таскались по улицамъ; набивали карманы деньгами. Но это приволье не долго продолжалось: на другой день пришелъ Михельсонъ и началъ рубить и стрѣлять въ нихъ; многіе были убиты, другіе полонены, всѣ разсѣяны. Всѣ побѣжали каждый къ своему дому; но вотъ задача: какъ перебѣжать изъ Казани до своего мѣста, болѣе 200 верстъ? Обстоятельства совершенно измѣнились: по разбитіи и разсѣяніи сборищъ Пугачева, о чемъ слухъ уже вездѣ распространился, жители тѣхъ мѣстъ, гдѣ они проходили теперь, какъ побѣдители, вооружились вилами, топорами, косами, для принятія дорогихъ гостей, которые бѣжали совсѣмъ безоружные, и даже боялись взять какую нибудь дубинку, какъ знамя бунта Пугачева; многіе изъ нихъ были лишены жизни; слѣдующія за ними бѣгущія толпы, слыша о такой невзгодѣ, не стали заходить въ селенія, далеко ихъ обѣгали; но поставленные караулы находили ихъ вдали, гдѣ они опять попадали въ руки ожесточенныхъ крестьянъ.

Ради униженія, колѣнопреклоненія и имени Христа, нѣкоторые были милуемы; они ихъ отпускали, обыскавши напередъ, нѣтъ ли съ ними подозрительныхъ вещей. Многіе, по незнанію мѣстъ, заблуждались и гибли въ лѣсахъ отъ голода, вдали отъ селеній. Днемъ они не смѣли бѣжать, а скрывались въ лѣсахъ, даже болотахъ, гдѣ совсѣмъ погрузившись въ воду, прятали головы подъ большія лапушки и, мало поднявши ихъ, переводили дыханіе, какъ дикія подстрѣленные утки; потому весьма рѣдкіе съ радостію увидѣли свои дома и принесли въ даръ семействамъ одну свою жизнь, какъ особенное благодѣяніе Божіе.

Такъ кончилась для Тресвятскаго эпоха Пугачевщины, страшная въ началѣ и продолженіи и столько отрадная въ окончаніи.

Только семьдесятъ лѣтъ (т. е. до 1845 г.) протекло отъ ея событія; но время уже успѣло положить на ней печать свою. Къ полнотѣ ея описаній многого не достаетъ: здѣшніе старцы имя и отчество своего любимаго защитника, майора Пермскаго, забыли; начальника гусаръ и прозванія припомнить не могутъ, чісла мѣсяцовъ не всѣ удержались въ ихъ памяти.

Не много нужно времени—оно и остальнымъ очевидцамъ закроетъ глаза, рассказы въ устахъ потомковъ будутъ измѣняться и удаляться отъ истины болѣе и болѣе и, наконецъ, могутъ со всѣмъ исчезнуть.

Это было не послѣднею причиною собрать разсѣянное и совокупить воедино. Мнѣ, какъ уроженцу здѣшняго города, въ малыхъ лѣтахъ, дѣйствительныя событія Пугачевщины болѣе сказокъ врѣзались въ память, а послѣ, руководствуясь повѣствованіями очевидцовъ и стариковъ, такъ достовѣрными, я составилъ эту статью.

Свящ. П. Н. Булыгинскій.

1845 г.

Примѣчаніе. Рукописный подлинникъ сего описанія мнѣ случайно достался отъ тестя моего, умершаго священника Николая Захарова Курочкина, нѣкогда бывшаго знакомымъ съ авторомъ сего описанія, священникомъ Булыгинскимъ. Но какъ не доводилось мнѣ видѣть въ печати оное описаніе, да и едва ли гдѣ оное отпечатано, потому покорнѣйше прошу редактора многоуважаемаго журнала „Русская Старина“ дать мѣсто оному описанію въ своемъ журналѣ.

Вятской губерніи, Орловскаго уѣзда, села Вязовскаго, настоятель—священникъ Петръ Макаровъ Макаровъ.

Сообщ. 25 іюня 1879 г. П. М. Макаровъ.